

Андрей
ВЬЕРИ

БЫВШИЕ

Пусть вспыхнут ПОЖАРЫ

Бывшие (Аня Вьёри)

Аня Вьёри

Бывшие Пусть вспыхнут пожары

«Автор»

2026

Вьёри А.

Бывшие Пусть вспыхнут пожары / А. Вьёри — «Автор»,
2026 — (Бывшие (Аня Вьёри))

– Что за чушь ты несешь? – вспыхивает Филатов, – Этот ребенок мне
никОсекается, оборачивается на моего рыжика, а я встречаю в паузу:– Он
твой сын! – выкрикиваю изо всех оставшихся у меня сил, делаю шаг вперед,
наступая.– У меня есть тест ДНК! – повышает голос Лешка.– Да плевать
я хотела на эту бумажку, – отвечаю тем же тоном, а он дергается, как от
пощечины, – Хочешь ты этого или нет, ты будешь растить Тима! – мой голос
вздрагивает, срывается, – Потому что я умираю, а у него больше никого нет!

© Вьёри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аня Вьёри

Бывшие Пусть вспыхнут пожары

Пролог

Марина

Осень наступила слишком рано. Небо посерело, будто никогда и не было голубым, солнце исчезло, а на смену ему пришел почти непрекращающийся дождь.

Стискиваю зубы, плотно сжимаю свои уже бледные, бескровные губы.

Слишком рано.

Автобус резко ухает куда-то вниз, заставляя меня вскрикнуть от боли и неожиданности.

Рычит мотор, из-под колес летит грязь и брызги, народ в салоне ворчит...

– Мам? – Тимоха испуганно смотрит на меня, прижимаясь все крепче.

– Все хорошо, мое солнышко, – выдавливаю из себя улыбку, целую его рыжую макушку.

– Все хорошо!

В салоне пахнет старым дерматином, мокрыми куртками и крепкими сигаретами. Пожилая женщина с плетеной корзиной на коленях нервно поправляет сползший платок, суровый коренастый мужичок, которому пришлось стоять, то и дело недовольно посматривает на водителя и беззвучно ругается, молодая девчонка высокомерно вскинула подбородок, словно у нее на голове корона. Переборщила с парфюмом.

Окна запотели, воздух слишком влажный, слишком теплый, слишком липкий. Запахов слишком много, и меня уже ощутимо мутит.

«Это, конечно, просто укачало. Укачало», – настойчиво повторяю себе я.

– Мы скоро приедем? – тихонько спрашивает Тимоха.

Я пообещала ему увлекательную поездку в домик лесника. Он, не сказать, чтобы обрадовался, но не спорил. Мы с ним, вообще, живем очень мирно. Я же воспитываю его одна. Чего нам спорить?

– Почти приехали, – обнимаю его, притягиваю к себе, тру плечико сквозь тонкую куртку.

Он молчит. Утомленно сопит, но терпит. Молодец, мой маленький герой. Выносливый. Весь в отца.

Эта мысль отдается неожиданной болью в желудке.

Весь. В отца.

Вдруг автобус резко тормозит, сильно качнув людей, с резким хлопком распаивает двери...

– Поворот на Солдатское! – громко, недружелюбно рявкает водитель.

Словно мы с сыном виноваты, что ему пришлось остановиться.

Да уж.

Ничего хорошего от этой поездки я и не ждала.

– Наша! – поднимаюсь, протягиваю Тимке руку. – Рюкзак не забудь.

На улице лучше.

Дождя уже нет, и пусть земля влажно чавкает под ногами, а дымка тумана настойчиво ползет под одежду, но снаружи лучше, чем внутри.

Тут хотя бы свежий воздух. Пусть влажный, но вкусный, холодный. Пахнущий прелой листвой и мокрым деревом. Хорошо.

– Нам туда, – киваю сыну на дорогу.

Он тоже рад, что вышел из этого автобуса.

– Мам, смотри, желтая елка! – удивленно восклицает, глядя на лиственницу.

– Мам, дерево красное! – смотрит на непонятно как сюда попавший канадский клен.
– Мам, желуди!

Мой любопытный пятилетка приходит в совершенно детский восторг, набивая карманы драгоценными находками, а я с облегчением выдыхаю.

Еще утром я была уверена, что это просто край вселенной, что-то за пределами цивилизации, но сейчас смотрю по сторонам почти с улыбкой. Здесь красиво. И тихо. И воздух вкусный. Не так уж все и плохо.

– Тимоха, дай руку, – зову сына, – аккуратнее, не поскользнься!

Крепко сжимаю его ладошку, и сама становлюсь увереннее. Когда он рядом, меня почти не шатает.

Нужный нам домишко появляется минут через двадцать.

Наверное, тут не так уж и далеко, но я быстрее идти не могла. Я же с ребенком.

Добротная бревенчатая изба, подсвеченная с улицы уютным желтым светом.

– Вот же ж забрался! – тихо ворчу я, хотя местечко мне на самом деле нравится.

Ну что ж, тем лучше. Будет проще сделать то, что я собралась.

Забора у участка нет, поэтому я смело поднимаюсь на крыльцо и со всех оставшихся у меня сил барабаню в дверь. Тимоха ждет во дворе. Обеспокоенно посматривает то на меня, то на окружающий участок лес.

– Кто? – раздается из дома.

Слышится лай собаки, тяжелые мужские шаги...

И...

Еще через мгновение я вижу его!

Лешка.

Такой родной, такой любимый, что чуть не подкашиваются ноги!

Изменился. Сильный, высокий! Всегда был крепким, а тут как будто стал еще больше! И суровее! Волосы стали короче, но появилась борода, черты лица заострились, взгляд стал колким, холодным.

Недовольство от незваных гостей на его лице тут же сменяется сильным удивлением:

– Марина?! – а потом он опускает взгляд на Тимоху и... – Зачем ты приехала? – недовольно кривится.

– С сыном тебя познакомить! – воинственно вскидываю подбородок.

– Что за чушь ты несешь? – вспыхивает Филатов. – Этот ребенок мне ник...

Осекается, оборачивается на моего рыжика, а я встречаю в паузу:

– Он твой сын! – выкрикиваю изо всех оставшихся у меня сил, делаю шаг вперед, наступаю.

– У меня есть тест ДНК! – повышает голос Лешка.

– Да плевать я хотела на эту бумажку, – отвечаю тем же тоном, а он дергается, как от пощечины. – Ею даже не подотрешься – слишком жесткая! – бросаю с презрением. – Тимка твой сын!

– Я не... – вскидывает он руку, выставив указательный палец, но меня уже не остановить.

Я слишком долго собиралась с силами, чтобы это сделать:

– Я заставлю тебя полюбить его, слышишь? – он открывает рот, но я не даю ему ничего сказать. – Хочешь ты этого или нет, ты будешь растить Тима! – мой голос вздрагивает, срывается. – Потому что я умираю, – тут Лешка бледнеет, испуганно распахивает глаза.

Филатов смотрит на меня ошарашенно, его брови сошлись на переносице, рот так и остался открытым, хотя оттуда не вырвалось больше ни звука.

– Ты будешь ему отцом, Леш, – тихо заканчиваю я. – Потому что у него больше никого, кроме тебя, нет.

.

Глава 1

Марина

– Нужно сдать биопсию, еще вот эти анализы, потом оформим консультативный прием...

Полная врач, в нелепых очках и с допотопным пучком на голове, щебечет что-то, словно китайский голосовой помощник, случайно оказавшийся в старой советской поликлинике.

– Значит, я вам выпишу направление... – ее мерный высокий голос словно гипнотизирует.

Ей можно дать и тридцать, и пятьдесят. Она словно подстроилась под вечный, неизменный интерьер больницы. Не поднимая на меня взгляда, перебирает бумажки, щелкает мышкой и то и дело поправляет свои дурацкие очки.

– Нужно будет пройти еще одно обследование...

Она будто повторяет заученную лекцию. Уже не думает о том, что говорит, и совершенно точно не чувствует никаких эмоций.

Просто, как робот, тараторит, тараторит, тараторит...

– Вы мне можете сказать, что с желудком? – мне это уже надоедает.

Хочется ее встряхнуть, заставить, наконец, посмотреть на меня!

Все кажется каким-то странным, плохо срежиссированным спектаклем.

Будто это и не со мной. И не с ней.

Мы обе просто следуем сценарию. Протоколу.

Думаю, что, наверное, надо будет как-то исхитриться, найти деньги и все же пойти к платному врачу, а тут...

Ну хоть первую помощь получить.

– Там опять гастрит? Мне оmez или мне ферменты попить?

Я пришла к гастроэнтерологу. Наконец-то! Последний год, а может, и дольше почти постоянно ноет в районе солнечного сплетения.

В моей жизни столько боли и дискомфорта, что я даже не сразу обратила внимание на это тянущее ощущение.

Потом в какой-то момент поняла, что не могу есть острое.

Ну, это нормально, у меня еще со студенчества гастрит.

Потом мой желудок перестал принимать кофе.

Тем лучше. Сильно дорогой он нынче.

Потом стало сложно есть горячее...

А потом и просто есть...

Когда я поняла, что уже чуть не падаю в обмороки от голода, я пошла наконец к врачу.

Мне же надо за собой следить! У меня сын! Ради него я должна быть в строю.

Ну хотя бы для того, чтобы прокормить его. Потому что мой бывший муж алименты не платит.

Мне, как обычно при гастрите, назначили эту безумно «приятную» и очень информативную процедуру. ФГДС. За те десять лет, что прошли с моего студенчества, мало что изменилось. Все тот же шланг с камерой, все то же ощущение, что тебя медленно выворачивают наизнанку...

Врач осматривал меня на удивление долго. Молчал, хмурился, водил своим орудием пытки туда-сюда, пока я не решила, что прям тут на этом столе сейчас сознание и потеряю...

– Доктор, что-то не так? – спросила я хрипло, когда все закончилось.

– Вам в поликлинике все скажут, – отозвался он, не оборачиваясь.

И вот я сижу на клеенчатой кушетке напротив этой суетливой тетки без возраста.

А она щебечет, щебечет, щебечет...

– Надо будет съездить в центр гастроэнтерологии...

– Подождите! – прерываю ее я. – Давайте пока ограничимся простым лечением! У меня сын пятилетний, мне некогда.

– Милочка! – наконец удостаивает меня взгляда поверх очков эта дама. – Раз у вас сын, так вам тем более надо лечиться!

– Я и буду лечиться! – киваю, вставая с кушетки. – Обязательно буду! Пропишите таблетки, а то старые уже не помогают.

– Конечно, не помогают, вы же не то лечите, – она снова отводит глаза.

– Ну вот и выпишите те! – я теряю терпение, Тимоха ждет в коридоре.

Мне не с кем его оставить. Чтобы не терять еще один рабочий день, я записалась на субботу. Пообещала ему, что потом пойдем гулять в парк. Он у меня, конечно, умница, но все же ребенок. Я уже волнуюсь.

– Что показало ФГДС? Какой диагноз? – требую я у тетки, которая кажется мне совершенно непрофессиональной.

– Новообразование, природу которого надо еще уточнить, – снова начинает она своим механическим голосом.

– Да мне некогда ходить по врачам! – хмурюсь. – Ну что за новообразование? Гель обезболивающий попить? Да? Выпишите, и я пойду, а то меня ребенок ждет.

– Женщина, вы что, не понимаете? – вдруг меняет тон врач.

Замолкает, снимает очки, смотрит мне прямо в глаза.

– У вас рак! – как-то очень расстроено произносит она.

А я замираю.

Мир вокруг словно останавливается, становится стеклянным. И весь покрывается мелкими трещинками.

– И судя по размеру опухоли, уже хорошая степень! – отчаянный голос врача доносится будто сквозь толщу воды. – Долго растили! – удивительно, но сейчас я слышу целую бурю эмоций, а в ее глазах, кажется, блестят слезы. – Вам обследоваться срочно! Химия, операция!

Ноги подкашиваются, я медленно оседаю назад на кушетку.

– И если у вас ребенок, то вам совершенно точно надо найти, кто за ним присмотрит, – выпаливает доктор, показавшаяся мне бездушной, – потому что...

Она замирает, задерживает дыхание, закусывает губу.

– Потому что... – начинает снова.

Но не может произнести вслух то, что я и так уже поняла.

– Ну хотя бы про химию подумайте, – врач надевает свои очки, и ее голос снова становится певучим, мелодичным, автоматическим, – как вы ее перенесете? Уж точно не сможете ребенка обслуживать. Как бы не наоборот...

Я не могу из себя выдавить ни слова.

Только лишь медленно киваю.

И никуда уже не рвусь.

Смотрю на нее ошарашенно.

– Так, – доктор шмыгает носом, и я понимаю, что ей все же тридцать, а не пятьдесят. – Я сейчас выпишу вам направление... Биопсия, пункция, КТ, МРТ... И надо стать на учет...

Она говорит...

А мой мир осыпается мелкими осколками, оставляя от себя лишь боль. Дикую, непрекращающуюся боль.

.

Глава 2

Марина

Мы сидим в парке.

Точнее, я сижу, а Тимоха носится, хохочет, радуется жизни, как и положено пятилетнему мальчишке!

– Мам, смотри, как я могу! – залез на турник.

– Мам, поможешь? – пытается балансировать на бревне.

– Мам, догони!

– Потом, мой рыжик! – отзываюсь.

Я даже не могу встать со скамейки.

На моем лице замерла дежурная улыбка, а в голове проносятся ураганом мысли...

Как?

Почему я?

Кто, если не я...

Как бы ни ругалась на меня та странная врач в поликлинике, я сейчас не могу думать о лечении.

Я могу думать лишь о том, что будет, если оно не поможет.

Опухоль. Уже крупная. Возможно, есть метастазы.

Если да, то мне остался год. Половину из которого я уже не смогу сама себя обслуживать.

Год.

Тимофею пять.

Медленно закрываю глаза, стараясь проглотить комок в горле.

Я не поведу его на первое сентября, я не увижу, как он будет одеваться подростком, я не узнаю, какую он выберет профессию...

Да и выберет ли?

Что с ним будет?

Я же... Я с ним одна!

Нет, конечно, у Тима, как у любого живого существа, есть и мама, и папа.

Только вот его папа считает, что он ему не отец. Даже бумажку какую-то сделал. И на основании этого отказался от ребенка, развелся со мной и не платит алименты.

Хоть имя ему не заставил менять, и на том спасибо. А то свекровь орала, чтобы я даже отчество из свидетельства о рождении убрала.

Боже...

Когда вспоминаю об этом, становится еще хуже.

Я была перед ними беззащитна.

Муж, его брат и их мать.

Мои родители давно умерли. Я была еще студенткой. Автокатастрофа. Перевернулся автобус на курорте. Погибло двадцать два человека. И среди них и мои мама и папа, которые поехали отметить свою серебряную свадьбу.

Мне было безумно тяжело.

Я понимала, что должна во что бы то ни стало окончить учебу. Ходила на лекции, посещала семинары, но словно ничего не видела и не слышала.

Именно тогда я и сблизилась с Лешкой.

Точнее, он со мной.

Богатенький наследник. Мажор, которого я обходила по большой дуге.

Ох, еще тогда я знала, что из этого не выйдет ничего хорошего.

Но почему-то никто, кроме него, не помог.

А Лешка просто однажды пошел со мной рядом.

– Снежка, давай свою сумку, – протянул руку.

Вообще-то, я Марина. Но волосы пепельно-белые. А в то время носила еще и черную повязку на голове. Так что...

Меня звали Снежной Королевой, Снежаной, Снежинкой... Кому как нравилось, так и звали. Я отзывалась только на Марину.

– Ну чего смотришь, не украду я твою сумку, громадная она просто, того и гляди тебя перевесит! – хмыкнул высокий, крепкий Лешка в ответ на мой недоуменный взгляд.

Я сумку не отдала, а он утомленно вздохнул, сам снял ее с моего плеча и...

Просто пошел рядом.

Молча.

Ровно от университета до метро и потом от станции до дома.

На следующий день произошло то же самое.

И на следующий.

– Я тоже отца похоронил, – признался он мне примерно через две недели.

Больше ничего не сказал, но, кажется, именно тогда я стала чувствовать нас как единое целое.

Он был первый, кого я увидела и услышала, вынырнув из своего горя.

И на удивление он оказался очень теплым, глубоким и интересным.

Красавчик из богатой семьи. Девчата в группе обсуждали только то, в каких он кроссовках пришел и сколько килограмм поднимает в рывке.

А он, оказывается, любил Фицджеральда и самостоятельно учился играть на фортепиано.

– Вообще, мне медведь на ухо наступил, – активно жестикулируя, объяснял мне Лешка, – но ноты – это же система записи информации, понимаешь? Ноты, цифры, буквы... Я учу свой мозг быстро переключаться с системы на систему!

А я кивала и... улыбалась. Только с ним после похорон родителей улыбалась.

Ту сессию я сдала вполне прилично. Были тройки, но в целом... На следующий курс перевелась.

Удивительно, но почти все мои подруги тогда словно растворились.

Кому-то было неинтересно общаться с погруженной в горе мной, а кто-то откровенно завидовал тому, что я внезапно сблизилась с Алексеем Филатовым. Самым завидным женихом курса.

Хотя это он со мной сблизился, а не я с ним.

И когда однажды в парке аттракционов я, забыв обо всем на свете, хохотала, как ребенок, он поймал меня в объятия и...

– Я рад, что ты вернулась!

Его теплые губы резко, настойчиво, почти яростно впились в мои...

– Марина, – прошептал он, – море мое, в котором я тону... С первого курса с ума по тебе схожу! – выдохнул он порывисто.

А я...

А я ничего не сказала, потому что рот мне снова закрыли поцелуем! Таким желанным, таким горячим...

И мир зазвенел тысячью колокольчиков, и ноги подкосились, только я не упала, а взлетела! В самом деле взлетела! Вверх! На Лешкиных руках!

Роман наш развивался стремительно. Еще бы! У меня была пустая квартира!

Кстати, именно Лешка настоял, чтобы я сделала ремонт.

Потому что надо жить. Дальше.

Я оставила нетронутой родительскую спальню, закрыла в нее двери, а в остальных комнатах переклеила обои, перевесила шторы, с его помощью передвинула мебель и...

И оказалось, что жизнь действительно продолжается!

Я уже без тоски и боли приходила домой, цветы, подаренные Лешкой, уже не казались неуместными на столе в гостиной, и он сам... Он сам тоже очень гармонично вписался в мою жизнь...

Я была настолько счастлива, что готова была любить весь мир.

И не обратила ни малейшего внимания на то, что, кажется, не понравилась его матери.

У Лешки отношения с семьей были странными. У него был старший брат, но только по матери. Они носили одну фамилию и отчество, но отчего-то моя свекровь не уставала подчеркивать, что вот у Кирилла отец был совсем другим!

Леша на эту тему не распространялся. Просто все чаще оставался у меня, а потом и совсем переехал.

Когда мы, после регистрации брака, по настоянию адвокатов семьи подписывали брачный контракт, и я увидела суммы активов, мне, если честно, стало дурно. Я и не представляла, что такая куча денег может быть. Просто быть.

Но Лешка, кажется, и не планировал этим кичиться. Он работал в фирме отца, планировал собственный бизнес и все также почти каждый вечер таскал мне цветы в мою родительскую квартиру...

Мы были счастливы.

До тех пор, пока не родился Тим.

.

Глава 3

Марина

– А мы теперь будем тут жить? – Тимоха сидит на лавке с широко раскрытыми глазами и так жадно запивает булку молоком, будто три дня не ел.

Он все время озирается.

Для него здесь все в новинку.

Не обои с машинками, не шкаф-купе, не батареи под окном.

Сруб. Потемневшие от времени и дыма бревна. Красивые, с проступающим рисунком годовых колец.

В углу – голландский камин. Хотя у стены напротив – вполне современная кухня, с плитой, микроволновкой и, кажется, даже посудомойкой.

Окна закрыты полотняными шторами на полстекла, а около лампы висит пучок трав – то ли для аромата, то ли оберег какой.

А, может, просто от комаров. Кто ж его знает.

– Да, сынок, – произношу твердо, хотя внутри все сжимается в хрупкий и болезненный комок. – Мы теперь тут будем жить.

Я поднимаю взгляд на Лешку. Специально.

Прямо. Глаза в глаза.

Он стоит у стола, опершись ладонями о край. Плечи напряжены, рубашка чуть натянута на спине.

– Марин, – он рычит глухо, почти неслышно. – Ты чего несешь?

А я просто молчу.

Смотрю на него и молчу. Я все уже сказала.

Лешка понимает меня, как и всегда понимал, чертыхается, впивается пальцами в свои смоляные волосы, резко отворачивается и начинает мерить шагами кухню – от окна к двери, от двери к плите.

Шаг. Скрип доски. Шаг. Тяжелый выдох.

Кухня у него, кстати, вполне приличная.

Широкий стол, поцарапанный ножом, но крепкий. Пара табуретов, лавка у стены. Около мойки – стопка вымытых тарелок и пара перевернутых кружек. Чисто, спокойно, сдержанно. По-мужски.

В избе стоит запах дерева, молока, чего-то мясного, недавно тушеного в кастрюле. И легкий хвойный аромат – дом все же в лесу.

– Потерпишь меня несколько месяцев, – говорю спокойно, грея ладони о кружку.

Молоко теплое, жирное, деревенское. У Тимки даже верхняя губа блестит белой полоской.

Это не просьба.

Не вопрос.

Это приговор.

– Марина! – вскидывается Филатов, разворачивается так резко, что стул цепляет ногой. – Да с чего ты вообще взяла?..

Он почти кричит, но голос срывается, и выходит как-то... растерянно.

Я вскидываю брови.

Будто хочу спросить: «Ты серьезно сейчас?»

Он тут же осекается. Жмурится, краснеет стремительно – сначала уши, потом шея, потом все лицо до самого лба. Почти багровый.

Выдыхает так громко, что аж травы его под потолком вздрагивают.

Шевелит губами – ругается беззвучно.

Потом резко отводит глаза, разворачивается и уходит в комнату. Не говорит зачем.

– Мам, дядя злой, – тихо говорит Тимошка, следя взглядом за Филатовым.

А я качаю головой, прекрасно понимая, что сейчас творится у Лешки внутри.

– Нет, – отвечаю спокойно, хотя в горле першит. – Дядя хороший. Просто он... не ожидал нас. И не знает, как правильно себя вести.

– А как правильно? – морщит нос Тимка, серьезно так, по-взрослому.

– Ну, это сложно, – я улыбаюсь, пододвигаю ему тарелку поближе. – Ты сейчас, главное, ешь. Вкусно?

– Ага! – мой рыжик сияет, кивает и с громким сербаньем втягивает в себя большой глоток молока. – Мам, оно как мороженое, только теплое!

Я смеюсь. Тихо.

Так, чтобы не распасться на куски.

На секунду все кажется нормальным.

Просто кухня.

Просто ребенок.

Просто вечер в лесном доме.

За окном темнеет. В стекло упираются черные силуэты сосен. Гулко капает с крыши – остатки недавнего дождя. Где-то в другой комнате скрипит пол – Лешка ходит, будто что-то ищет.

Собака у порога кухни вздыхает и перекатывается с одного бока на другой, ударяя хвостом по полу.

– Мам, это будет наша собака? – шепотом спрашивает Тимка, наклоняясь.

– Пока – нет, – говорю. – Но мне кажется, она не будет против.

Собака – лохматая дворняга – поднимает голову и вяло машет хвостом, будто подтверждая.

Ребенку тут будет хорошо.

Я осматриваюсь еще раз: толстые стены, теплый свет от лампы под потолком, камин, который можно топить зимой, лес кругом, воздух...

Здесь тихо. Здесь безопасно. Тут будет хорошо.

Стискиваю зубы, задерживаю дыхание.

Если сейчас вдохну глубже, могу всхлипнуть. А плакать при сыне нельзя. Ему нужно не это.

Меня тут не будет.

Эта мысль обжигает, как ледяная вода в жаркий день.

Меня тут не будет.

А ему – будет хорошо.

Я смотрю на Тимку, на его рыжую макушку, на то, как он с энтузиазмом доедает булку, откусывая от души, и внутри у меня встает новая, железная уверенность.

«Я сделаю все, чтобы ты остался здесь не гостем, а своим».

И в этот момент в кухне снова появляется Лешка.

В руках у него какая-то папка, которую, судя по ее виду, давно не доставали.

– Значит так! – он бросает документы на стол. – Вот смотри, – раскрывает. – Этот ребенок мне никто, – толкает лист бумаги. – И ты мне не жена! – следом демонстрирует свидетельство о разводе. – Я не знаю, что ты задумала...

И в этот момент я не выдерживаю и...

Смеюсь!

Хохочу!
Как давно не смеялась!
Наверное, раньше бы это было звонко, а сейчас...
Хрипло, сдавленно, переходя в кашель...
Вдруг чувствую приступ тошноты, зажимаю рот ладонью, вскакиваю, теряю равновесие...

– Марина!

Сильные руки.

Любимые, надежные, родные.

Такие сильные руки подхватывают меня...

– Марина...

Он смотрит на меня испуганно, и я понимаю почему.

Я знаю, что он сейчас видит.

Я ловлю его взгляд и произношу шепотом:

– Мне плевать, кем ты считаешь его. Плевать, кем ты считаешь меня. Ты был моим первым и единственным. А ему ты отец! Хочешь ты этого или нет!

И тут в Лешкином взгляде загорается искра!

.

Глава 4

Марина

– Ты мне – бывшая жена, – шипит Филатов, стараясь, чтобы Тимоха нас не услышал, – то есть никто! А он, – кивает в сторону сына, – всегда был никто! Но...

Его лицо на секунду передергивает, будто кто-то резко ударил ему под дых.

– Я не чудовище! – выпрямляется, вытягивается во весь свой рост. – Я вас не выгоню!

– Вот спасибо, – усмехаюсь я и отворачиваюсь, делая вид, что рассматриваю тот самый веник сухоцветов под потолком.

На самом деле, конечно, стараюсь не дать слезам вытечь.

Я была готова к этим его выпадам.

Я их буквально репетировала в голове по дороге сюда: «Ты мне никто», «Ты мне врала», «Я вас тут не держу»... Там целый набор фраз, которыми удобно прикрывать собственную растерянность.

И заранее решила: не реагировать. Ни на колкость, ни на сарказм, ни на его привычное «я вообще-то прав».

Но удастся с трудом. Меня скоро не будет, а у моего мальчонки никого больше нет. Никого, кроме мужчины, который считает, что «он мне никто».

У меня в запасе примерно полгода. Шесть месяцев. Шесть месяцев, чтобы заставить Филатова полюбить собственного сына. Чтобы перестать говорить: «Он – никто», а начать говорить: «Мой сын».

Он не чудовище.

Я это знаю. Я жила с ним, я видела, как он умеет быть заботливым, мягким, смешным. Просто сейчас поверх всего этого – корка злости и обиды толщиной с броню танка.

Я справлюсь.

Ну, по крайней мере, я обязана попробовать.

.

– Не буду чистить зубы!

Тимоха стоит посреди кухни, как маленький Спартак, восставший против угнетения рабов.

Любимая пижама с динозаврами, взъерошенные волосы, щеки еще теплые от подушки, надутые губы и упрямый взгляд.

Позади него, в коридоре, точно в такой же позе и с точно таким же выражением лица стоит Филатов-старший. Блин, даже жаль, что тут нет зеркала – в нос ему сейчас ткнуть.

– Не хочу! – Тимоха топает ногами.

Он не любит умываться. Как и все дети, да, но мой особенно.

Для него умывание – это не бытовая процедура, а личное оскорбление.

Ну и что, что сегодня нам не идти в сад.

Ну и что, что встали мы на час позже обычного.

Распорядок дня от этого не меняется. Если сейчас дать слабинку – потом не соберу.

– Не будешь чистить – все повыпадают! – парирую я, упирая руки в бока. – Нечем будет конфеты грызть!

Классический мамский аргумент, но, как показывает практика, иногда работает.

Филатов хмурится. Скрестил руки на груди, смотрит на нас исподлобья, словно на спектакль, на который его не звали, но он все равно пришел и теперь возмущен постановкой.

Мрачный, как туча. Не выспался, наверное. А может, просто не привык, что его из собственной спальни выставляют, как кота с дивана.

Ничего. Привыкнет.

Мы тут все будем привыкать к новому, не он один.

– А я не буду конфеты, – объявляет Тимка и хитро щурится, – я буду молоко. Мне дядя Леша даст.

И прежде чем я успеваю придумать ответ, выкидывает номер, которого не ожидали ни я, ни Филатов.

Он сбегает от меня к Лешке за спину.

Буквально. Делает два быстрых шага, прячется за его фигурой, как за крепостной стеной, выглядывает оттуда, держась за штанину.

Леха дергается, будто его только что ткнули электрошокером, и ошарашенно смотрит вниз – на маленькую теплую голову у своего бедра, словно перед ним не ребенок, а разверзшаяся земля.

Я немею.

Мозг на пару секунд выключается: так, стоп... он же его боится... он его не знает... почему он к нему...

– Правильно, – вдруг откашливается Лешка.

Голос у него хриловатый, но спокойный. Он быстро приходит в себя, чуть отодвигает плечо, чтобы видеть Тима.

– Не чисть, – невозмутимо кивает. – Зубному врачу тоже надо кушать.

– Это как? – Тимоха чуть испуганно поднимает голову, смотрит на «дядю Лешу» снизу-вверх.

Взгляд – смесь любопытства и ужаса. Вот сейчас ему подарили новую страшилку, и он пытается ее распаковать.

– Ну, это у тебя зубы разболятся, – терпеливо объясняет Леха, как будто каждый день детям лекции читает, – мы поедем их лечить и заплатим врачу много денег. Он будет на них кушать.

Он произносит это настолько буднично, что даже мне становится немного не по себе. В воображении тут же всплывает картина: зубной врач, который грызет деньги, сидя на стуле, а рядом Тимка с дыркой вместо зуба.

Тимоха замирает. Сопит громко, как маленький ежик. Лоб морщится, брови сводятся к переносице.

– Не хочу лечить, – серьезно произносит сын, наконец расставляя слова, как кирпичики.

– В смысле? – Леха театрально дергает плечами. – А как же бедный зубной врач? Ему ж кушать надо.

– Обойдется! – совершенно не детским тоном выдает вдруг Тимоха и, развернувшись на пятке, пулей несется в ванную.

Я аж брови вскидываю.

Вау!

Вот это да!

Так, Марина, запиши: аргумент про голодающего зубного врача – работает лучше, чем все твои «конфеты» и «зубы повыпадают» вместе взятые.

Смотрю на Лешку с благодарностью, открываю рот, чтобы сказать хоть «спасибо», но тот поджимает губы, отворачивается к окну и будто каменеет.

Ну да. Это же он сейчас не просто ребенку помог послушаться маму. Это он невольно сделал шаг к тому, чтобы ребенок начал прятаться за ним, а не от него. Страшный шаг.

Ладно. Так уж и быть. Не буду давить. Пусть сам привыкнет к роли, в которую его жизнь насильно засунула.

Спокойно иду следом за Тимом в ванную, помогаю ему умыться. Он брызгается, сопит, но щетку держит уже без истерики – дело сделано.

В этой избе даже ванная сделана в деревенском стиле.

Стены отделаны кафельной плиткой под грубо отесанные доски, такая же, только темнее, плитка на полу. Над раковиной простое зеркало и деревянные полки.

Понятно, что настоящее бревно не выдержит постоянной влаги, но они постарались обмануть глаз. И у них получилось. Смешно и красиво одновременно. Вроде как кич, деревенский «инстаграм-стайл», но смотрится... гармонично. Здесь все дышит темой «я уехал в деревню и сделал себе сказку».

Когда я вижу такие детали, я все чаще думаю: а таким ли уж спонтанным был Лешкин побег из города?

На момент, когда родился наш Рыжик, Филатов уже вступил в должность генерального и руководил фирмой отца. Именно он. Не старший брат. Тот числился в должности консультанта с очень пространными обязанностями – скорее украшение кабинета и «голос семьи», чем человек, принимающий решения.

Леха тогда – молодой, злой, амбициозный – носился по встречам, говорил по телефону даже в душе. Бумаги, графики, планы, сделки – вся эта жизнь «успешного успеха».

Однако, как я узнала совсем недавно, почти сразу после развода Лешка из города исчез.

Я тогда этим, разумеется, не интересовалась. Была занята тем, чтобы не развалиться окончательно. Сейчас, спустя годы, попытаться понять его мотивы почти нереально. Мы оба за это время успели обрасти собственными версиями событий, обидами и домыслами.

Но факт остается фактом: молодой и перспективный бизнесмен бросил карьеру, фирму, офис с панорамными окнами и скрылся в деревне.

Чем он тут занимался и как зарабатывал на жизнь – для всех оставалось тайной. А ведь это «все» активно пытались узнать. Жених-то был завидный: деньги, фамилия, внешность. И теперь внезапно – деревенский отшельник.

Но со временем интерес к нему поутих. Город умеет забывать тех, кто вышел из гонки. Настолько, что я еле-еле выяснила, где Лешка живет. Не сказать что глухая деревня – до Москвы-то недалеко, час – полтора езды, но по ощущениям...

Филатов тут как бирюк.

– Давай вытирай мордашку, выходи, я тоже умоюсь, – подаю сыну полотенце.

Он послушно промакивает щеки, нос, пару раз проводит по лбу, как будто стирает ночные сны, и распакивает дверь.

– Ой! – возглас громкий, удивленный.

Выглядываю из ванной.

Лешка стоит в коридоре, явно собранный в дорогу. На нем джинсы, куртка, которой я его вообще-то не помню – значит, купил уже «здесь», в своей новой жизни. В руках – ключи от машины, пальцы нервно перебирают брелок.

Он смотрит на меня все тем же настороженным, тяжелым взглядом.

– У тебя дела? – спрашиваю удивленно. – Ты скажи, из чего я могу собрать завтрак. Мы тебя не будем задерживать, – виновато пожимаю плечами.

– Я думаю, что тебе лучше не завтракать, – бросает Филатов, и голос у него – совсем не приветливый, сухой, официальный. – А мальчика покормим в машине.

– В смысле? – хмурюсь, упираясь ладонью в косяк.

Холодок пробегает по спине.

Неужели я просчиталась? Неужели сейчас будет вариант «вещи в машину – и обратно в город, до свидания»?

– Мы сейчас поедem в больницу и сдадим все анализы, – Лешка разворачивается к двери, будто разговор уже окончен.

Куртка хрустит, ключи звенят.

– Хорошо, – равнодушно пожимаю плечами, делая вид, что меня этим не прошибить. – Только для анализа ДНК не нужно быть голодным.

– При чем тут ДНК? – вспыхивает Филатов, резко оборачиваясь. – Я говорю об анализах для тебя! – отчеканивает он, как приговор.

– В смысле? – смотрю на него удивленно, хотя внутри все уже сжимается в тугой узел. – Я же тебе назвала диагноз, показала выписку...

Я ему честно выложила все как на ладони: бумажки, печати, фамилии врачей. Объяснила, что и как, что можно, что нельзя. Это был, кстати, не самый приятный разговор в моей жизни, но я его выдержала.

– Да, – зло улыбается Лешка.

Улыбка та самая, от которой у меня когда-то подкашивались ноги – только теперь в ней нет ни тепла, ни озорства. Только железо.

– Вот только я... – произносит медленно, каждое слово вбивая, как гвоздь в крышку гроба. – Тебе... не верю.

.

Глава 5

Марина

– Считаешь, что я все выдумала, – произношу спокойно.

Это не вопрос. Это утверждение.

Я качаю головой и усмехаюсь. Только вот улыбка выходит кривая.

Лешка хмурится, на мгновение на его лице проступает растерянность, которая тут же сменяется обидой и злостью.

– Я ничего не считаю! – рявкает он. – Жизнь научила меня не верить тебе на слово!

– Жизнь? – изгибаю бровь. – Или мама?

– Знаешь, Марин!.. – Лешка дергает подбородком, бросает яростный взгляд на Тимку и...

Только сейчас понимает, что мальчик смотрит за нашей перепалкой, испуганно распахнув глаза.

Тот, что только что прятался от страшной зубной щетки за его спину, сейчас аж рот приоткрыл от ужаса и жмет к моему боку.

– Так! – Лешка резко обрывает сам себя, жмурится, словно его ударили. – Одевайтесь – и в машину! Позавтракаем в городе после сдачи анализов! – он цепляет маску добродушного балагура. – Сырники и картошка фри? – подмигивает Тимке.

Наш сын теряется, берет меня за руку, удивленно смотрит снизу-вверх...

– Сырники – это вкусно, – улыбаюсь ему я и провожу рукой по его непокорным рыжим волосикам.

Уверенно иду в нашу спальню...

Если честно, меня аж потряхивает. Та мелкая дрожь, которую почти не видно, но от которой зуб на зуб не попадает.

Закрываю дверь в нашу комнату, первым делом сажусь на край кровати, склоняю голову, закрываю глаза...

Я уже успела отвыкнуть от этого разрушающего чувства обиды.

Как же сильно оскорбляет это недоверие! Это сомнение!

Когда родился Тим... Лешка рыдал от счастья! Мы рожали вместе, он стоял в родовой, держал в руках крохотного, сморщенного малыша и рыдал, стесняясь своих слез.

«Сын! – шептал Лешка одними губами. – Сынок!»

А потом... Потом была выписка! И Лешкина мать, засунув свой нос в одеялко, вместо: «Поздравляю», громко, на все родовое выпалила: «Ой! А в кого он рыжий?»

Она не произнесла больше ни слова. Только недоуменно смотрела по сторонам, словно ища поддержки у моего мужа, у медсестры выписки, у такой же, как я, роженицы...

Потом мы уехали домой, и вроде бы все забылось. Но каждый раз от нее Лешка возвращался все мрачнее и мрачнее...

А спустя месяц жизни нашего малыша потребовал сделать тест ДНК.

Тогда меня тоже трясло.

Я кричала, топала ногами, плакала.

Как? Как можно не верить тому, кого любишь? Значит, не любишь?

Я готова была на все. Уж я-то точно знала, что если Тимоха не Лешкин сын, то это непорочное зачатие. У меня попросту не было никого другого... И... уже не будет.

Усмехаюсь сама себе, поправляю на сыне кофту...

– Пошли! – киваю Лешке, выходя к машине раньше него. – Ты хочешь все выяснить! Пошли! Узнаем все! Абсолютно! И про меня, – делаю паузу, гордо подняв подбородок, – и про тебя!

В машине молчим...

Лешка перебирает радиостанции, но ни на одной не может остановиться... Тут реклама, тут слишком длинные новости, тут композиция какая-то дурацкая!

Вижу его раздражение, нетерпение, суету...

– Мы записаны на восемь, – зачем-то информирует меня он. – Зайти в кафе не успеем, но я могу купить что-то мальчику в машину...

Стискиваю зубы...

Мальчику...

Как у Филатова классно получается говорить о своем сыне в третьем лице!

– Нет, не надо! – насколько могу, спокойно отзываюсь я. – Потом вместе позавтракаем!

И улыбаюсь в зеркало заднего вида.

Пусть думает, что хочет. Мне нужно, чтобы Тим был не один.

Лешкин совершенно не пафосный, но современный и дорогой внедорожник смотрится в городе чуть неуместно. Кажется, что он сейчас попросту раздавит или перепрыгнет эти крохотные пузотерки, то и дело снующие у него перед бампером.

Филатов нервничает, ругается сквозь зубы, ведет чуть резче, чем обычно...

Надо же. Вообще-то Лешка всегда хорошо водил. Чувствуется, что он отвык от городского движения. Странно. Я, если честно, когда нашла его, была так рада, что даже не подумала узнать, почему это вдруг успешный молодой бизнесмен исчез из столицы. Да и как бы я могла это узнать? Его адрес я, считай, купила у старой школьной подруги, которая сейчас работает в салоне сотовой связи. Конечно, Лешка не зарегистрирован в этом доме. Но у него есть мобильный телефон, который определяется именно там.

В общем, адрес его я узнала. А вот причины, по которым он все бросил и уехал...

Честно говоря, единственное, на что я надеялась, это на то, что у него еще не появилась вторая семья. Когда ехала, составляла вариант разговора в том числе и с его второй женой.

Мне почему-то казалось, что Лешка кого зря в жены не выбрал бы. Что я смогла бы ее убедить... Уговорить... Объяснить...

Но... К счастью, не пришлось...

Пока мне убеждать и уговаривать предстоит одного лишь Лешку.

– Приехали, – вырывает меня из размышлений его грубоватый голос.

– Пошли, – улыбаюсь сынишке, помогая ему отстегнуться.

В клинике нас ждут.

Дорогое помпезное заведение, встречающее ярким светом, белыми стенами и ментоловым ароматом.

– Добрый день! – широко улыбается молоденькая администратор, похожая на киборга из фильмов о будущем.

Белый костюм, блестящие, собранные в пучок волосы и неизменный планшет в руках.

– Филатова Марина? – улыбается она мне своей пластмассовой улыбкой. – У нас с вами сегодня МРТ, КТ, общий анализ крови, биохимия... – начинает перечислять она.

– Да, конечно, – перебиваю ее нетерпеливо. – Скажите, а мы можем провести еще один анализ? Очень важный?

Девушка-робот запинается. Это явно не входило в ее программу. Она растерянно хлопает глазами. Переводит взгляд с меня на Лешку...

– Да, конечно, – кивает он.

– Отлично! – довольно улыбаюсь я. – Тогда мне нужно, чтобы вы сделали тест на родство между этим мужчиной, – киваю на Лешку, – и этим мальчиком, – чуть подталкиваю вперед Тима. – Только мне очень важно, чтобы биоматериал вы взяли непосредственно в моем присутствии!

Глава 6

Марина

– Что за ерунда?! – багровеет Филатов. – У этой клиники совсем другой профиль!

– Неужели? – наигранно хлопаю глазками. – Но у них же наверняка есть договора с лабораториями!

– Есть, – тихо и чуть смущенно подтверждает девица, внезапно став похожей на человека. – Можем сделать, – тут к ней снова возвращается привычная пластмассовая улыбка. – Можем даже по срочной! Если попадем на запуск центрифуги, то результат будет сегодня!

– Прекрасно! – киваю. – Леш, если тебе денег жалко, я оплачу, – смотрю бывшему мужу в глаза убийственным взглядом. – Мне уже копить не на что.

– Марина! – рычит он, стискивая зубы до скрипа. – Какого черта? У нас уже есть один такой анализ!

– Так у меня тоже есть все анализы, Леш, – подталкиваю вперед папку со всеми своими МРТ, биохимиями и прочим. – И что? Ты мне не веришь, я тебе не верю! Кажется, все честно!

Девушка рядом бледнеет, чуть сильнее, чем ей положено по должности, округляет глаза, но профессионально молчит. Ждет.

– Марина, – выдыхает разъяренный Филатов, – если ты думаешь, что... – сам себе прикусывает язык, встряхивает головой. – Да ты посмотри на него! Он же на меня не похож! Я темноволосый, кареглазый, а он!.. – тычет пальцем Леха в спокойно сидящего на диванчике малыша. – Он рыжий! И глаза голубые! И...

– Генетика причудливая вещь, Леш, – холодно и дерзко прерываю его я. – Все, что ты мне хочешь сказать, я уже слышала... Закончишь деньгами... Так вот, – кривлюсь, – мне не нужны твои деньги! – произношу твердо, абсолютно уверенная, что сын нас не слышит. – Я умираю, и я хочу, чтобы ты его вырастил! – смотрю Филатову в глаза. – Я даже тебя уже ни в чем упрекать или обвинять не хочу! Просто, – разделяю слова паузами, – хочу, – не спускаю взгляда с Лешки, – чтобы ты... его... вырастил...

Леха впирается пальцами в стойку регистратуры, будто это его спасательный круг, жмурится, опускает голову, прижав подбородок к груди.

Отчаяние.

Крайняя степень отчаяния.

Но еще не такая сильная, как у меня.

– Хорошо! – спустя секунд пять отмирает он.

Смотрит на меня с вызовом, а глаза странно блестят.

– Хорошо, – подтверждает, словно убеждает сам себя, – сдадим на родство.

– Отлично, – теперь моя очередь улыбаться пластмассовыми улыбками.

Я поворачиваюсь к девушке-регистратору, ловлю ее взгляд.

Та замерла, растеряв остатки профессионализма, смотрит на меня как на явление Христа народу.

– Девушка, – взмахиваю пальцами перед ее глазами, – добавьте еще анализ на родство...

– А? – вздрагивает она. – Да, да... Конечно!

– Тимош, – подхожу я к сыну, приседаю на корточки, – тетя у тебя горлышко посмотрит. Скажи «а»!

Мой сын послушно разевает ротик, не отвлекаясь от включенных специально для него мультиков.

Лешка смотрит на скребок так, будто ему пытаются ввести отраву, но тоже открывает рот. Соскоб слизистой ротовой полости. У обоих. Берут при мне, как я и просила.

Медсестра запечатывает ампулы, маркирует, передает курьеру...

Фух... Это хоть какая-то гарантия. Его же мать не знает! Ее тут нет, она совершенно точно не знает. И он не был к такому готов.

Когда после родов меня обвинили в том, что ребенок не мой, Лешка встал на мою сторону. Мать и брат. Они пришли даже не ко мне, к нему. Но я слышала весь разговор до последнего слова.

Рыжие – это редкость! Это надо чтобы в роду были рыжие! У нас точно не было! А на нее ребенок не похож.

Сын на меня действительно не очень похож. Вылитый Леха, если его побрить. Только тогда этого никто не видел.

Но, несмотря на это, Лешка взъерепенился, устроил скандал, наорал на них, попробовал выгнать...

И тут...

Я совершила роковую ошибку. Я сделала именно то, на что рассчитывала моя свекровь. Только я слишком поздно это поняла.

Я сама вошла в его кабинет с Тимохой на руках.

– Хотите доказательство родства?! – гордо вскинула я подбородок. – Берите анализы!

– Марина, нет! – вскочил Лешка.

– Нет, Леш! – у меня из глаз текли слезы. – Пусть! Я же знаю, чей это сын! Пусть и они знают!

И свекровь с очень... Очень ехидной улыбкой вытащила у малыша соску.

– Я думаю, – пропела скрипучим голосом она. – Этого будет достаточно...

– Я не буду сдавать никакие анализы! – взъерепенился Лешка.

– Тогда я с собой проверю, – пожала плечами она, – должно же быть родство!

Родства не было...

Все это я прокручиваю в голове во время бесконечных процедур...

С меня выкачивают кровь, в меня запикивают эти ужасные трубки, возят внутри манипуляторами, чтобы отщипнуть кусочек моей плоти на биопсию.

Из глаз у меня текут слезы. От боли, дискомфорта и воспоминаний.

Только никому до этого нет дела...

– Сейчас, сейчас... – заученно повторяет врач и делает еще один поворот шлангом ФГДС, заставляя меня почувствовать героиней фильма «Чужой».

Я теряю счет времени и уже не сопротивляюсь ничему. Скольжение манипулятора УЗИ по своему подреберью воспринимаю как возможность отдохнуть...

«Присядьте», «прилягте», «поднимайтесь», «сейчас еще раз»...

Команды персонала звучат почти непрерывно.

И даже никакой очереди на МРТ...

– Я бы сделал КТ с контрастом, – морщится молодой мужчина, всматриваясь в кипу бумаг, которую ему передает медсестра.

Кажется, это врач.

Они все отчитываются перед Лешкой. Я не их клиент, я объект их внимания. Это разные вещи...

Сейчас мы сидим вдвоем в светлом кабинете и ждем какого-то вердикта.

Пока меня мучили на обследованиях, Лешка покормил Тима, погулял с ним в ближайшем парке и даже купил ему какого-то робота. За сына переживаю, но ничего... Один день потерпит. Пусть этот упрямый осел, его отец, убедится, что я его не обманываю...

– Так, – хмурится доктор, разворачивая какие-то распечатки. – Это понятно... Это готово... А! Кстати, – вытаскивает один из листов, – это пришли ваши анализы на родство!

И врач совершенно равнодушно протягивает распечатку Филатову...

.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.